

Т. И. Акимова

**ЕДИНСТВО ГОСУДАРСТВЕННОЙ И СЕМЕЙНОЙ МОРАЛИ
В КОМЕДИЯХ ЕКАТЕРИНЫ II**

Рассматривается просветительская стратегия Екатерины Второй, нацеленная на приобщение дворянства к базовым ценностям, в частности на укрепление семьи и призыв к верному служению интересам государства. Литературным средством реализации этой стратегии стали комедии Екатерины II, сочетавшие сатирическое изображение нравов двора и шутиливое осмеяние человеческих слабостей.

This article considers the enlightenment strategy of Yekaterina the Second aimed at introducing the nobility to basic values, in particular, family consolidation and devotion to the interests of the state. A literature means of implementing this strategy was the comedies of Yekaterina II, which combined the satirical depiction of court morals and a mockery of human weaknesses.

Ключевые слова: Просвещение, политика, Екатерина Вторая, комедия, пародия, нравоучение.

Key words: Enlightenment, policy, Yekaterina the Second, comedy, parody, moral lesson.

В комедиях Екатерины II, как и в классицизме в целом, нравоописание подчинено нравоучению, иными словами — выявлению тех общественных пороков, которые противоречат заданной государством социокультурной и моральной норме и препятствуют ее закреплению. Вместе с тем в качестве комедиографа Екатерина утверждала ту норму, которую сама задавала стране как монарх.

Основу мировоззрения и деятельности императрицы составляло, как известно, понятие социальной пользы, которое символизировал ее герб с изображением пчелы и поясняющим латинским девизом «Полезна». В то же время правительница ценила жизненные радости, утонченный вкус, изысканное общество. Эти две стороны характера и жизни Екатерины не противоречили друг другу, а выступали как взаимодополняющие. Так, в своих фаворитах она видела и помощников в делах, и приятных собеседников.

Моральная доктрина царицы основывалась на разграничении слабостей и пороков. Слабости, не чуждые человеческой природе, по ее представлению, могут развиваться в пороки, но шуточный смех способен предотвратить эту мутацию, а также излечить от пороков тех, кто им подвержен.

Пространством общения Екатерины с ближним кругом поданных выступал так называемый Эрмитажный салон императрицы. Господствующие в нем отношения определяли ту норму, которая утверждалась «от противного» в комедиях венценосной литературы.

1. Семья как модель государства

Адресатом комедий императрицы было дворянство, а главным предметом — дворянская семья. В ней Екатерина видела модель создаваемого ею государства, в котором дворяне являлись бы первым свободным сословием. Соответственно, отношения поколений дворянской семьи, изображаемые в комедиях Екатерины, отражают ее видение отношений монархии и подданных. Их основой должны были выступать свобода и осознанная необходимость.

Екатерина систематически утверждает в своих комедиях право детей на самостоятельное чувство и выбор суженого. Это право оспаривают консервативные родители-самодуры: Ханжихина («О, Время»), Ворчалкина («Именины госпожи Ворчалкиной»), Вздорный («Невеста-невидимка»).

В монологе Ворчалкиной звучит своего рода манифест материнской деспотии: «Ах она мерзкая! да кто ей позволил слушать любовные бредни! Знала б она то, что у нее мать есть: что мать вольна — за кого хочет, за того и выдаст; ей бы то до венца ни с одним холостым и говорить об этом не надлежало. Меня покойные родители выдали за покойного моего мужа, да я его до церкви и от роду не видала, не только бы говорила с ним» [4, с. 67]. Ср. сетования Сбыславы служанке о том, что мать не понимает ее чувств: «Если б она имела дар читать в моих мыслях, она б понимала, сколько Иготин мне несносен» [4, с. 186]. И характерный ответ служанки: «Где ей читать в ваших мыслях! она имеет упражнений столь много разных, что понятие ее обыкновенно рассыпано, как крошки по столу после обеда...» [4, с. 186].

Примечательно, что свое неограниченное право решать за детей Ворчалкина основывает на авторитете старинной традиции: «...я держу старины, и порядка портить не люблю. Я и сама у матушки своей была пятая, и принуждена ждать, пока все большие сестры вышли; что делать! того порядок и старшинство требуют» [4, с. 58]. Домостроевская диктатура родителей связывается в пьесе Екатерины с Уложением, по которому родители «вольны в своих детях и приданом» [4, с. 56]. В осуждении родителей-самодуров недвусмысленно звучит критика в адрес предшественниц Екатерины на русском троне и, следовательно, апология ее собственной модели управления.

Характерно, что домостроевские нравы осмеиваемых отцов и матерей проистекают в комедиях Екатерины из их инфантилизма и обусловленной им неспособности к просвещению. Например, та же Ворчалкина признается: «Лучше всякой книги люблю, чтоб мне сказки сказывали» [4, с. 61] — и не понимает смысла комедий, выступая, таким образом, антагонистом изображающего ее автора: «Вот, сказывают, сделана комед нам в ругательство; да играют ее» [4, с. 52]. Ср. реплику Фирлюфюшкова: «Я и сам и книг, и письма терпеть не могу. Это великое дурачество, кто к ним привяжется» [4, с. 51].

Лучшее развлечение для Ворчалкиной — шутовство: она держит «дуру», поскольку, по ее словам, «нам без нее и скучно будет при столе: некому и поврать чего-нибудь» [4, с. 54]. Любовь Ворчалкиной к шутовству является выпадом комедиографа против Анны Иоанновны, подхваченным, как известно, в державинской «Фелице».

У Ханжихиной в основе материнского самодурства лежит суеверие — впрочем, вполне лицемерное. Свое нежелание давать приданое за внучкой Ханжихина объясняет так: «Сегодня ведь понедельник, да к тому ж и первое число месяца, а я ничего в такие дни никогда не начинаю. Примета худа! Много образцов бывало, да и покойный мой муж меня утвердил в этом; за десять лет до смерти своей — помяни его, Господи! — предсказал он однажды в понедельник, что он умрет. А то и сбылось» [1, с. 267].

Таким образом, слегка завуалированное моральное сопоставление монаршей и родительской власти носит в комедиях Екатерины исторический характер: императрица бичует правление своих предшественников, порожденное «непросвещением» России и укреплявшее его.

Однако права родителей в отношении детей, как и право монархии в отношении подданных, непреложны, если основаны на разумном желании добра своим чадам. Так, образование и воспитание становятся главными предметами заботы родителей Ивана Собрина: «...созрел ли в нем ум вместе с рассудком?» [4, с. 176]. Поэтому в счастливой семье желания детей и родителей находятся в гармонии. Например, Добрин просит Прекрасную Прелесту: «...соедините глас ваш с волею ваших родителей... соответствуйте общему желанию ваших родителей и усердной моей просьбе...» [4, с. 182].

Самим же детям, как и подданным, свобода (в том числе и в вопросе брака) дана для разумного выбора и самосовершенствования. Так, девушка должна выбирать в мужа человека незаурядного и умеющего быть интересным в обществе. Поэтому Христина возмущена желанием отца выдать ее за скучного мужчину: «...я с тех пор, как он с нами в соседстве живет, довольно потерпела от него скуки» [4, с. 111]. Воспитание девушки — программная задача для Екатерины, учредительницы «института для воспитания новой русской женщины» [3, с. 217] — Смольного института благородных девиц. Но тем же руководствуется и разумный юноша в выборе невесты. Ср. вздох Молокососова: «О, если б столько была она умна, сколь пригожа! Не усомнился б я в сию минуту быть ее мужем!» [1, с. 252].

Разумные родители, чье право на руководство детьми неоспоримо, помогают им в выборе не только суженых, но и друзей. Когда Иван Собрин признается отцу, что «Мотыгин, батюшка, и Вероломеев меня оба весьма приласкали», то получает ответ: «Они тебя приласкали... Первого я только знаю потому, что его домашний скарб за долги продан в один день с аукциона, пока он в другой закупил втридорога, вдесятеро противу проданного, и все-то паки заложил барышнику; второй же прославился вероломными делами и безрассудностью, отчего и нажил себе имя в людях, сходное с прозванием» [4, с. 177].

Примечательно, что той же гармонией свободы и осознанной необходимости, удовольствия и пользы отмечена идея путешествий. Получив от Екатерины право не служить, дворяне приобрели вместе с ним и возможность совершать дальние и долгие поездки. В устах Собрина путешествие оказывается неотделимо от развития человека ради общей

пользы: «...никто из своего отечества не должен ехать, не избрав себе наперед образ жизни и службы, в пользу которой и езда расположена быть должна, дабы она обратилась в добро как езде, так и общему делу» [4, с. 178].

2. Семья как модель двора

Дворянский дом в комедиях Екатерины уподобляется не только государству, но и царскому двору: «У больших бояр, равно как и при дворе, такой обычай, что и здравствуй, и прощай, и добрый день пошепотом на ухо говорят» [4, с. 90]. Соответственно, те пороки, в которых семья подобна двору, приобретают в комедиях царицы не только нравственное, но и социально-политическое значение. Главными грехами такого рода выступают подглядывание, наушничество и интриганство. В них Екатерина видит суетную и пошлую симуляцию деятельности. Ср. признание Выпивайкиной: «Выпивши чарку водки, пожду-таки я здесь до обеда... а после поеду домика в три, да порасскажу, что здесь видела: так и там что-нибудь попадетя. В первом скажу, что здесь происходило; в другом, коли упомяну, так все, что слышала... а и забудетя, так дополнить можно... а в третьем поплачу да пожалуюсь на дом Хрисанфа и на всех его домашних» [4, с. 98].

Об руку наушничеством и подглядыванием идет столь же праздное и суетное тщеславие. Их общим локусом выступает передняя. Так, в комедии «Расстроенная семья осторожками и подозрениями», в которой на вопрос Предына: «Какое же вы находите удовольствие пребывать в домовых передних?» слышится «с некоторой горячностью и удовольствием» объяснение Двораброда: «Тут... сударь, стечение... и средоточение приходящих и отходящих... в доме живущих и не живущих людей, да и новостей... Тут поневоле тебя увидят... и ты увидишь... тебя встречают, и ты встречаешь... кого знаешь и не знаешь, до кого тебе есть дело и до кого тебе дела нет» [4, с. 161].

Упомянутая Ворчалкина фактически объявляет слухи подлинной «культурой», альтернативной разуму: «...и на что нам разум! много таких и без нас, которые должны думать, а мы судить только рождены, и потому, правду сказать, я более пяти, шести слухов на своем роду не пропускавала, да и те были не очень удачны» [4, с. 57]. Культура слухов лежит в основе допросветительского, т.е. доекатерининского, общественного пространства России.

Наушничество и подглядывание отнюдь не безобидны. Внося подозрительность и разлад в семью, наушник оказывается сеятелем грехов и пороков. Таков главный «вредитель» семьи Собриных Двораброд, аттестующий себя всеобщим и бескорыстным приватным советчиком: «Да, сударь, я слыву несколько осторожным, не токмо для себя, но и для других людей, наипаче же для знакомых; однако иногда и знакомые пользовались моим советом стережливым, так что из них иной, быв прежде по своим делам весьма беззаботлив, проснулся аки бы ото сна, тако что не токмо по делу, но и по-пустому день и ночь уже покоя едва ли после того имеют» [4, с. 156]. Таким образом, смех императрицы

над Дворабродом утверждает личную смелость и порядочность, порицая трусливое и корыстное интриганство.

Екатерина выставляет интриганов и наушников не просто шутами-подхалимами, но и своего рода социальными бродягами: «В нашем роде, сударь, такое обыкновение. Мы проводим время большею частью ходя по домам, в передней. Сей грех, сударь, у нас есть дедовский. Дед мой... скончался скоропостижно, помнится мне, в прихожей... Князя-Цесаря. Тут, сказывают, было завсегда забавно, понеже у того двора шутов много находилось, и медведица разносила пред обедом водку. Отец мой также шел по дедовским следам; он занемог последний раз перед смертью... точно, в передней... вельми знатного господина» [4, с. 161]. Такое социальное бродяжничество осуждается: «Вы, французы, обо всем всегда говорить хотить; вы весь свет по-своему переделать желаете. <...> Всего того, чего у них не водится, то дурно, то непристойно. А зачем же, если у них дома так хорошо, они по всему свету ездят хлеб себе доставить, браня тех, чей хлеб они кушать?» [4, с. 92].

Передняя как место распространения слухов — своего рода оплот допросветительского / доекатерининского общественного пространства России, которому противостоит екатерининский салон как оплот разума и образованного вкуса. Таким образом, осмеяние слухов также носит в комедиях Екатерины социально-исторический характер.

3. Пародия на лже-просвещение

Особое место занимала в комедиях Екатерины II культура общения и общежития, основывающаяся на двух внешне противоположных опорах: естественности и галантности. Между тем шуточный характер взаимоотношений в салоне императрицы предполагал и самоиронию, и, соответственно, самопародию. Так, в «Недоразумении» императрица устами Гостяковой вышучивает самое себя — хозяйку Эрмитажного салона: «У меня кто погостит, я с теми приобькла, сударь, обходиться без чинов» [4, с. 190–191].

Однако самоирония служит более широкой задаче — обличению искажений «галантного просвещения», способных дискредитировать культурную политику Екатерины в глазах дворянства.

В упомянутом «Недоразумении» осмеивается провинциальное франтовство — свидетельство суетного тщеславия и слепой погони за модой:

О л и м п и а д а: Что ж делать, что опоздала. Это мое несчастье; я встала на рассвете, и ужас, ужас как спешила одеться...

П р а с к о в ь я (*считая по пальцам*). Одиннадцать, двенадцать, час, два, теперь на исходе третий; и впрямь скоро: вы не более четырех часов только перед зеркалом были! [4, с. 44–45].

О л и м п и а д а: ...Посмотри, пожалуй, Парасковья, каково у меня на голове убрано? Кажется, не высоко...

П р а с к о в ь я. Ныне кто говорит: получше нарядиться, тот разумеет повыше. Изрядно! <...> [4, с. 45].

Суэта ведет к праздности и скуке:

Олимпиада. О! перестань, скучно.
Параскинья. И я вижу, что вам скучно [4, с. 46].

Душевная пустота рождает страх одиночества:

Фирлюфюшков. ...Я один в комнате остаться не могу.
Антип. Да ведь вы не маленькое дитя! К тому же у вас свои слуги есть; для чего вы их с собою не имеете, коли всего боитесь?
Фирлюфюшков. Как бы то ни было, только ты останься. Я боюсь там быть, где никого людей нет [4, с. 49].

В погоне за модой обнаруживается социальное зло — угроза разорения дворянства: «Спесов и Геркулов промотались оба; оба жили не по своему достатку и тянулись с тысячью рублями дохода за теми, кои по десяти тысяч имеют» [4, с. 64].

Не меньшей дискредитацией утверждаемых Екатериной новых нравов и новой культуры грозит и праздномыслие:

Радонова жена. Опасение, братец, я имею, что б муж мой не сошел с ума!
Бритягин. Разве, сестрица, примечаешь расстройство в речах его?
Радонова жена. Ни слова, братец, не говорит он почти так, как мы приобвыкли слышать.
Бритягин. В его мыслях есть ли связь?
Радонова жена. Хотя и есть связь, но мысли его не суть обычны [1, с. 300].

* * *

В своих комедиях Екатерина утверждала единую дворянскую мораль России — государственную и семейную. Ее основу составляла столь же неделимая интеллектуальная и бытовая культура, рождающая внутреннюю свободу личности, и отсюда — свободу общения и гармонию общежития. Эти ценности Екатерина утверждала «от противного», путем их исторического противопоставления властным и семейным нравам прошлой России, а также средствами самоиронии — очищая их от дискредитирующих искажений и профанаций.

Представляя в своих комедиях дворянский дом и семью моделью двора и государства, Екатерина сделала последнее единым пространством диалога монархии и дворян. Положительным полюсом двора и образцом для дворянского дома императрица неявно утверждала собственный салон, который в итоге стал предметом дворянского подражания, состязания, а затем — идейной конфронтации. После смерти Екатерины, на рубеже XVIII—XIX вв., когда диалог с монархией был исчерпан, именно салон превратился в основное пространство самоосознания дворянской личности и главную сцену дворянской комедии.

Список литературы

1. Сочинения Екатерины II. М., 1990.
2. Лонгинов М. Драматические сочинения Екатерины II. М., 1857.

3. *Мадарица И.* Екатерина Великая и ее эпоха. М., 2006.

4. *Сочинения императрицы Екатерины II.* Произведения литературные. СПб., 1893.

Об авторе

Татьяна Ивановна Акимова — канд. филол. наук, доц., Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева, Саранск.

E-mail: akimova_ti@mail.ru

About author

Dr. Tatyana Akimova, Associate Professor, N.P. Ogarev Mordovia State University, Saransk.

E-mail: akimova_ti@mail.ru